

ВРЕМЯ

№ 1 (108)
31 января 2024 г.
Издается с 2015 года

Информационно-просветительская газета.

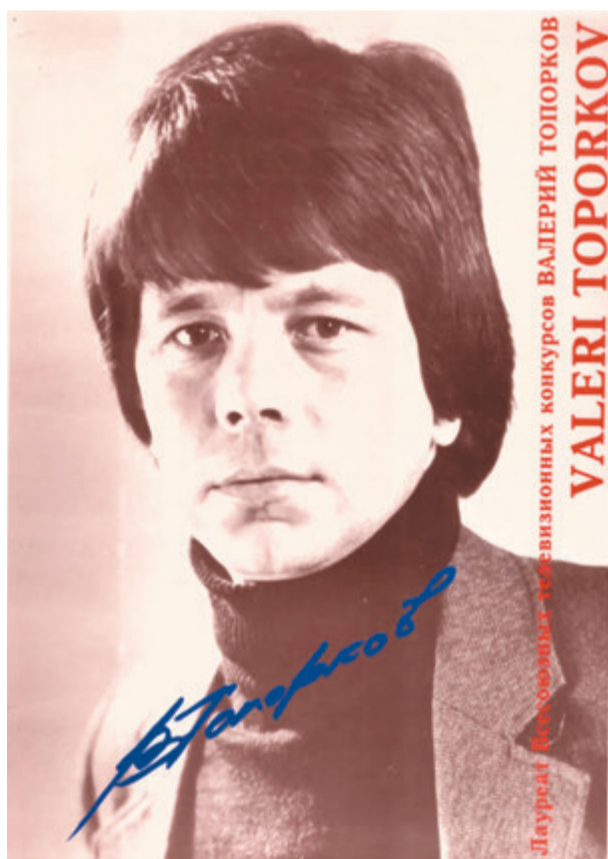
Номер подготовлен при содействии Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Свердловского регионального отделения НК ИКОМОС, Россия, Информационно-просветительского центра Всемирной Федерации АЦК ЮНЕСКО

АЛЕКСЕЙ МОЛЧАНОВ: НАШИ СОВРЕМЕННОКИ

БРЕНД УРАЛЬСКОЙ ЭСТРАДЫ

Валерий Топорков появился на отечественной эстраде в середине 70-х годов прошлого века и вскоре по праву занял место в ряду известных, ярких песенных исполнителей. Опираясь на традиции русской эстрады, он нашел свой стиль: «социальный герой». Этот стиль выдерживался певцом пожизненно, и репертуар его – тому подтверждение.

И все же первая профессия Топоркова была рабочая. В Свердловске в ремесленном училище Валерий получил специальность формовщика и 12 лет отдал литейному цеху на заводе. Правда, был промежутком – служба в армии. И вот там-то он уже по-настоящему увлекся музыкой. Дело в том, что его воинская часть дислоцировалась в Москве, а сослуживцами оказались ребята, которые уже успели поработать с тогдашними звездами эстрады Аидой Ведищевой, Вадимом Мулерманом, Ларисой Мондрус, Эмилем Горовцом. Так что уровень армейской самодеятельности, где Валерий Топорков сделал свои первые исполнительские шаги, был достаточно высок. Часто в первом отделении концерта, для «разогрева» публики, пели Валерий с друзьями, а во втором выступали знаменитости – Лев Барашков, Владимир Макаров. Услышавший его однажды Эмиль Горовец сказал: «Этому парню надо петь на профессиональных подмостках». Так и случилось, но позже. Сначала Топорков, демобилизовавшись, вернулся в Свердловск, на завод. А песня до поры до времени оставалась просто его увлечением.

ПАВЕРМАН — ФИГУРА ЗНАКОВАЯ

Стр. 4.

ПРИЗВАНИЕ — ПЕВИЦА

Стр. 8.

ПОЛВЕКА С КОНТРАБАСОМ

Стр. 11.

Но вот он стал лауреатом областного конкурса молодых самодеятельных исполнителей «Юность комсомольская моя». И поступил на открывшееся эстрадное отделение Свердловского областного музыкального училища имени П.И. Чайковского в класс солиста Свердловского театра оперы и балета, заслуженного артиста РФ Олега Агафонова. Старания педагога и его ученика быстро принесли результат: в 1974 году Валерий был аттестован тарификационной комиссией Министерства культуры РСФСР как солист-вокалист музыкального театра и эстрады, студента второго курса Топоркова пригласили артистом в филармонию.

И пришла пора, как в одной из его песен, «доказывать, на что годимся мы». Валерий стал постоянным участником программ Центрального телевидения «Утренняя почта», «Голубой огонек», «Шире круг». С успехом гастролировал в Болгарии, Польше, Афганистане, Монголии, ГДР, в городах России и позже – СНГ.

Сегодня о Валерии говорят, как раз, те, с кем он почти 15 лет проработал в коллективе «Лица друзей».

«Наше знакомство, с его слов, правда заочное, произошло много раньше, – вспоминает гитарист Валерий Костюков. – Валерий работал на 79-м заводе, «Вектор», как он сейчас называется. Я после школы около года до того, как в институт поступил, тоже там трудился. В то время Валера был рабочим формовочного цеха, а я – слесарем-сборщиком радиоаппаратуры. И он мне потом, когда мы уже стали работать в ансамбле, подружился, рассказывал, что на заводе ему показывали: «Вон видишь, идет парень, это один из лучших гитаристов в городе». Он говорит: «Я смотрю – ты такой солидный был, смотрелся здорово так». На мне тогда был пиджак вельветовый с воротником-стойкой двубортный. Модный такой парень. Достаточно знаменитый в узких кругах. Он меня тогда уже знал. А я его еще нет. Когда он стал заниматься в «ЭВИА-66», это был уже популярный, очень извест-

ный в городе коллектив. Он по статусу считался самодеятельным, но фактически являлся профессиональным. Они давали концерты, их узнавали. А я играл в ансамбле «Эврика» УПИ. И как-то гитарист Женя Писак предложил: «А давай я Топоркова приглашу». Я поддержал: «Это, конечно, будет здорово!» Валера стал к нам приходить, мы сделали ему репертуар. И вписался он очень хорошо. И в концертах с нами выступал. И когда состоялась первая отечественная телепередача «Алло, мы ищем таланты!», популярнее которой ничего не было, Валера – простой рабочий парень, без денег, без связей в Москве, стал лауреатом, – это был фурор. А ровно через год был уже Всесоюзный телевизионный конкурс самодеятельных исполнителей советской песни «Молодые голоса». Валера в нем снова принимал участие, и снова получил первое место. А затем он завоевал Гран-при Всесоюзного телевизионного конкурса молодых исполнителей советской песни «С песней по жизни» уже

как профессионал. У него моментально взлетела артистическая карьера. Когда Валерки не стало, я в социальных сетях набрал «Встреча друзей» («Посидим по-хорошему»), Валерий Топорков, финал «Песни-82» в концертной студии Останкино. И когда он запел – и на тот момент, и сейчас, мужчины-исполнителя с таким красивым тембром голоса, бриллиантовым, не было и теперь нет. Фразировка, интонация, идеальная чистота. То, чему в консерватории учат: эту фразу так надо петь, эту так, у него это все от Бога было. И он пошел вверх, постоянно участвовал в передачах Центрального телевидения. Однажды он выступил на торжественном концерте, посвященном открытию очередного съезда комсомола с песней «Легенды расскажут»:

«Нам счастье досталось не с миру по нитке,
Оно из Кузбасса, оно из Магнитки.
Целинные земли и космос далекий –
Все это из нашей истории строки».

Его услышал Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев и сказал: «Очень хорошо!» После этого Валерию открылись все двери: фестиваль молодежи и студентов в Берлине, фестиваль советской песни в городе Зелёна Гура в Польше. Без всяких побряк, пел он здорово. Когда из СССР ехала в социалистические страны какая-то делегация – партийная, комсомольская, профсоюзная, Топоркова брали с собой. Он стал очень знаменитым, и, самое главное, очень любимым. Но при этом не страдал «звездной болезнью». Безумно талантливый. Когда я с ним в филармонии работал, я не помню, чтобы где-то не было аншлага. Хоть в деревню приезжаешь, хоть в город. Вспоминаю такой случай. В ожидании выступления на стадионе в Кировграде, где «Лица друзей» участвовали в сборном концерте, все сидели в автобусе. Я стоял у дверей и курил. Вдруг подошла какая-то женщина и спросила Топоркова. Я пригласил Валерию. Он услышал от нее много хороших слов. А в конце разговора она добавила: «Вот приду завтра к себе на завод, в цех, и всем расскажу, как беседовала с самим Топорковым». Эти слова для него дорогого стоили, ибо простые, рабочие люди признали в нем своего».

«В коллектив «Лица друзей» я распределился после окончания музыкального училища имени Чайковского», – говорит лауреат всероссийских и

международных конкурсов певец Георгий Звягин. – Им руководил Валерий Петрович Топорков. Это было замечательное, яркое время становления меня как артиста. Валера принимал в этом самое активное участие. Подсказывал какие-то вещи. Был примером личным для меня. Имеется в виду, в концертной работе: как себя вести со зрителем. Его манера интеллигентной подачи импонирует мне. С точки зрения человеческих качеств, конечно, у него было много ярких организаторских способностей. И он мог уладить какие-то конфликты мелкие, которые происходили, как это случается в любом коллективе, когда кто-то с кем-то не согласен. Может быть, даже не конфликты, а разногласия во мнениях и так далее. Это был большой мастер урегулировать такого рода ситуации. Он – как капитан на корабле. Уходил, что называется, последним, но и первым вставал в этой флагманской рубке. Я помню прекрасно эту историю. Наши гастроли по Крыму, май-июнь 83 года. Наше пребывание в Ялте и проезд туда Юрия Богатикова. Юрий Иосифович передавал ему эстафету своего ампула. В чем-то они были похожи. И Богатиков предложил нам переехать из Свердловска в Севастополь, в филармонию. С немедленным предоставлением трехкомнатной квартиры Валере и практически всем женатым артистам – по двухкомнатной квартире. Это было

невероятно. Валерий Петрович должен был принять важное решение. Не с точки зрения самого себя и даже коллектива, а с точки зрения того места и той аудитории, того края, который он, как флагман, представлял на советской и международной эстраде. Два-три дня он был в мучительном состоянии и, наконец, вынес вердикт остаться в Свердловске. Потом нам с квартирами помогли как-то решить вопрос уже в нашей филармонии. Валера сделал такой шаг в сторону патриотики Урала. Для меня это было, во всяком случае, большое открытие. Хотя и был молод – всего 22 года, и, возможно, многих вещей еще не понимал. Разные потом ходили мнения в коллективе по этому поводу, но это уже не суть важно. Человек принял достойное, наверное, правильное решение со всех точек зрения. Когда я задумал поступать в Гнесинский институт, это было уже в конце наших крымских гастролей, он договорился в Евпатории с библиотекой, чтобы мне давали книги, так как на вступительных экзаменах необходимо было прочитать басню или какое-то стихотворение».

«С Валерием я лично познакомился в «Поезде искусств» в 70-х годах прошлого века, – а это уже скрипач, заслуженный артист России Леонид Элькин. – Мы сидели в вагоны поезда, жили в них, и целый месяц катались по всей области. Каждый день были новые площадки в программе этого фестиваля. Мы работали вместе в эстрадно-симфоническом оркестре ДКЖ под

управлением Владимира Ивановича Турченко. А до этого я, будучи еще мальчишкой, у нас все равно разница в возрасте какая-то есть, первый раз услышал его по телевизору. И он понравился и моей маме, и мне. Парень симпатичный, и поэт доброжелательно. От сердца, от души. А потом, уже когда вместе работали в филармонии, проехали всю страну вдоль и поперек. Он, конечно, очень сердечный, искренний, внимательный человек. И с чувством юмора у него все в порядке было. Когда раздавал гастроли, он как бы свою фамилию эксплуатировал. Рисовал топор и подписывал «ков». Конечно, с этим именем очень многое связано, потому что гастроли, жизнь не всегда удобная по комфорту. Он всегда был рядом, всегда было с ним, о чем поговорить, повеселиться, водочки выпить, и погулять. Я, как заядлый рыбак, на любые гастроли постоянно брал лески, крючки, удочку и в любой луже забрасывал и ловил какую-то рыбку. Были как-то концерты в Кизляре, республике Дагестан. И там я умудрился ловить хороших карпов на 5–7 кг. Валера – сам деревенский, родился в селе Грязновское Богдановичского района. И общение с природой пронес через всю свою жизнь. Прямо на берегу, как большой специалист, месил глину, делал печку, знал, каких дровишек собирать. Тут же коптили рыбу, приглашали девчонку из коллектива и в свободное от работы время тоже как-то были близки к природе».

Александра Николаевна Пахмутова считала и считает Валерию одним из лучших интерпретаторов своих произведений. Не только требовательность в выборе репертуара и вокальное мастерство исполнения привлекают слушателей в творчестве Топоркова, но и его трепетный подход к спетому с эстрады слову. Важная черта – свое прочтение известных произведений. Помимо гражданского пафоса, набатности Топоркова была подвластна и лирика. Валерий Петрович успешно работал в Уральском государственном театре эстрады, сотрудничая со всеми оркестрами и ансамблями театра. Огромный успех имели его сольные программы «Благодарю тебя», «Начало», «Лица друзей», «Королева красоты», «Я вас всех люблю», «Ты такая одна», «Воспоминание».

Фото предоставлены пресс-службой Уральского театра эстрады и из архива Валерия Костюкова.

ПАВЕРМАН - ФИГУРА ЗНАКОВАЯ

М.И.Паверман. 1957 г.

Виктор Трамбицкий и Марк Паверман. 1938 г.

Марк Паверман и Давид Ойстрах. 1935 г.

90 лет назад в столице Среднего Урала появился коллектив, который стал предтечей, прародителем, предшественником Уральского академического филармонического оркестра. Впрочем, все по порядку.

23 февраля 1934 года, в день Красной Армии, в Екатеринбург, тогда еще Свердловск, приехал человек, ставший знаковой фигурой в музыкальной культуре Урала и не только. Звали его Марк Паверман. Выпускник Московской консерватории, где его наставником был создатель советской дирижерской школы Константин Сараджев.

В 1930–1934 годах Паверман работал в различных московских оркестрах и, казалось бы, прочно обосновался в столице. Кстати, это был его уже второй приезд в наш город. В середине декабря 1933 года Всесоюзный радиокомитет направил его в Свердловск для проверки музыкальной редакции областного вещания. Он узнал, что свою работу она ведет с помощью симфонического ансамбля, состоящего из двадцати двух человек. Одним из первых его дирижеров был Павел Андреевич Пузанов. В 1935–1936 годах при клубе «Профинтерн» (позже ДК Свердлова) организовали «Университет культуры», где музыковед Григорий Бернандт читал лекции

Марк Паверман и Георг Себастьян. 1935–1936 гг.

по истории музыки. А симфонический ансамбль радиокомитета под управлением Пузанова исполнял произведения Глинки, Даргомыжского, Бородина, Чайковского, Бетховена, Вебера, Мендельсона. С ним выступали солисты: О.И.Егорова (сопрано), Д.Г.Бадридзе

(тенор), Н.А.Шадин (баритон), А.М.Волошин (скрипач), заслуженные артисты РСФСР Д.Т.Спришевская (сопрано), В.Г.Ухов (баритон), А.П.Месняев (бас). Для исполнения произведений крупного оркестрового масштаба приглашались музыканты из оперного те-

атра, славившегося не только своими вокалистами и дирижерами, но и прекрасным мастерством и многочисленным по составу оркестром.

Узнав, что Паверман – дирижер, администрация радиокомитета предложила ему провести в студии концерт с увеличенным составом оркестра. Марк Израилевич охотно согласился и провел программу, в которую входили Четвертая симфония Чайковского, «Вариации на тему рококо» того же автора в исполнении концертмейстера виолончелей Людвиг Казимирович Штрассенбурга и «Марийская сюита» московского композитора Н.Ракова, впервые прозвучавшая на Урале. Концерт передавался в эфир, получил очень хорошие отзывы слушателей. И тогда Свердловский радиокомитет предложил Паверману организовать симфонический оркестр и возглавить его. Эта перспектива его заинтересовала, ибо в творческом отношении он мог работать совершенно самостоятельно – строить репертуар, решать новые художественные задачи. Вообще, свердловское радио, а позже и телевидение, всегда было средоточием культуры нашего края. В его фондах сохранилось немало аудио и видеозаписей первоклассных певцов, танцоров, инструменталистов, мастеров художественного слова как местных, так и гостей нашего города, которые считали за честь выступить здесь. Тут начинали карьеру режиссеры Глеб Панфилов и Валерий Усков, драматург Геннадий Бокарев, критик Валерий Кичин, композитор Вадим Биберган, которые затем прославились далеко за пределами Урала. Итак, именно с появлением в нашем городе Марка Израилевича симфонический ансамбль радиокомитета преобразовался в оркестр. А перед этим Паверман все-таки вернулся в Москву, чтобы сообщить о своем решении главе ВРК Платону Керженцеву, который сказал ему: «Поезжайте и посмотрите, как пойдут дела. Если понравится, оставайтесь». Марк сдружился с работниками местного радиокомитета. По музыкальной части здесь работали известные в городе специалисты – Борис Ильич Певзнер, впоследствии ставший профессором Уральской консерватории, Григорий Борисович Бернандт, в будущем ученый-музыковед, автор нескольких книг. Драматическую редакцию возглавлял Александр Андреевич Блажих, человек широких познаний в области литературы и искусства. Талантливым чтецом и режиссером был Федор Матвеевич Тайц. Хорошими были группы вокалистов и дикторов. В скором времени Паверман нашел в Свердловске и личное счастье: диктор Ирина Никитична Елисеева стала его женой. Они прожили вместе почти полвека.

Репетиция первого студенческого оркестра консерватории в концертном зале. Дирижер М.И.Паверман. 1936.

М.И.Паверман. 1949 г.

Начало традиции музыкального просветительства в Екатеринбурге было положено в 70-е годы XIX века деятельностью музыкального кружка. В советское время первый симфонический концерт состоялся летом 1923 года в саду-театре имени Вайнера силами оркестра театра оперы и балета. Но оперному театру все труднее становилось удовлетворять возросшие эстетические запросы свердловчан, тем более, что практика проведения симфонических концертов находилась все же в стороне от магистральной деятельности театра. Назревал вопрос об организации в столице области симфонического оркестра. Чтобы привлечь внимание публики к проблеме формирования нового по сути коллектива, было решено дать теперь уже открытый концерт оркестра радиокомитета. Вновь он был дополнен музыкантами из оперы. 9 апреля в зале Делового клуба (нынешней филармонии) состоялось это выступление. Успех был огромный: переполненный зал, восторженный прием. Вот что писала по этому поводу газета «Уральский рабочий»: «Большое значение имеет организованный Свердловским радиокомитетом и управлением зрелищно-театраль-

ными мероприятиями симфонический концерт под управлением дирижера Марка Павермана. Центральной вещью программы была Шестая «Патетическая» симфония Чайковского». А Борис Певзнер предлагал организовать в столице Урала радиотеатр-филармонию, цель которого заключалась бы в пропаганде лучших произведений музыкальной классики и современности. Но для этого опять-таки было необходимо увеличить состав оркестра. За нужными музыкантами Паверман отправился в Москву и Ленинград и нашел их. Коллектив вырос до 50 человек. Он выступил дважды: 24 ноября и 18 декабря в Деловом клубе. Оркестр креп, завоевывал популярность, и уже осенью радиокомитет совместно с Деловым клубом решил организовать цикл открытых симфонических вечеров. Это было большим культурным событием в жизни Свердловска. Нужно было не только разработать тематику и план выступлений, но и позаботиться о

приглашении солистов. Первым гостем стал один из лучших друзей Павермана, его однокашник по Одесской консерватории Давид Ойстрах, тогда совсем юный скрипач, но уже лауреат Всесоюзного и Международного конкурсов. В его программах прозвучали скрипичные концерты Чайковского, Мендельсона, Бетховена, «Рондо-каприччиозо» Сен-Санса, произведения Бизе и Глазунова. А далее – десятки исполнителей из Москвы и Ленинграда при полном зале. И как результат в 1936-м году вышло распоряжение Свердловского облисполкома об организации в городе областной филармонии на базе симфонического оркестра радиокомитета. Этот музыкальный коллектив стал основой для создания большого просветительского учреждения, которое и по сей день является одной из лучших организаций такого профиля в России. Но оркестр считался творческой группой радиокомитета. Поэтому на паритетных началах он должен был

М.И.Паверман. 1957 г.

обслуживать и радио, и филармонию – выступать и в студии, и в Деловом клубе, а также на различных концертных площадках города. Но скоро стало ясно, что для филармонической деятельности симфонического коллектива численностью в 50 человек недостаточно. Для исполнения крупных музыкальных полотен, вообще для полноценной работы оркестра требовалось большое количество артистов. И тогда пригласили еще 18 музыкантов. Новички зачислялись уже в штат филармонии, в то время как остальные числились еще по ведомству радиокомитета. Но, так или иначе, теперь коллектив именовался симфоническим оркестром Свердловской филармонии. Чуть позже, в 1938 году, распоряжением облисполкома коллектив был передан на баланс филармонии, и музыканты перешли в ее штат. А Павел Андреевич Пузанов стал помощником Павермана, вторым дирижером и провел много концертов. Вместе они по-настоящему хорошо, творчески работали. Видимо, какая-то часть музыкантов осталась в радиокомитете. Ветеран СГТРК, музыковед Зера Германовна Мышкина в своей книге «Говорит Свердловск» пишет, что радиокомитетский оркестр окончательно расформировали в 1953-м году.

Празднование 25-летия Уральской государственной консерватории. Студенческие постановки в Свердловском театре оперы и балета. Студенческим оркестром консерватории дирижирует профессор М.И.Паверман. 1959 г.

Марк Паверман на площади 1905 года. 1960-е гг.

М.И.Паверман. 1984 г.

Сегодня хранительницей семейных традиций Паверманов является внучка Марка Израилевича Ирина Орлова. Ирина Валерьевна – старший преподаватель французского языка УрФУ.

– Каким человеком был ваш дед? – спрашиваю ее.

– Очень светлым, – отвечает она. – Никогда ничего плохого от него в адрес других людей я не слышала. И даже когда я присутствовала за кулисами, если ему что-то говорили о другом человеке, реакция у него была: «Ну как же он так, ну что же он так». Единственный раз, когда он повысил на меня голос, и меня это так шокировало, потому что до этого он никогда так не делал.

– А за что он все-таки голос-то на вас повышал?

– За мой дивный характер, потому что в детстве я всегда делала то, что считала нужным. Было очень трудно что-то доказать. За бурный мой темперамент.

– Расскажите о вашей семье. С чего у вас начинался рабочий день, какая у вас библиотека, как у вас отмечались праздники?

– Библиотека у нас огромная, но я считаю, что это заслуга моего папы уже (Валерий Маркович Паверман – рос-

сийский литературовед, доктор филологических наук, профессор Уральского государственного университета им. А.М.Горького – А.М.). День у нас начинался с завтрака, как у всех. У папы, если не было первых пар, то он спал дольше. Когда были первые пары, то мы стояли в очередь в ванную. У нас были семейные обеды. Но по особым случаям. В выходные, когда все дети собирались. Но не с дедушкой, он жил в отдельной квартире. Дни рождения внуков или чьи-то дни рождения мы собирались все вместе или у него, или у нас.

– Какие книги были в вашей библиотеке, если не секрет?

– Я перечислить не смогу, потому что это было 8 книжных шкафов, которые мы потом более упорядочили и организовали более экономное пространство. Много было американской литературы XX века. Потому что эта была папина диссертационная тема. В основном, классика. Русская, зарубежная.

– Какие известные люди бывали в вашем доме?

– Я помню дядю Женю Колобова, дядю Женю Бражника. Но это уже дедушкины ученики. Папа рассказывал, что к нам приходил Растропович. Мой дедушка общался с Шостаковичем.

– Какая музыка звучала в вашем доме?

– Та, которую мы включали. У нас до сих пор очень богатая фонотека. Мне очень нравились оперы Верди. Те спектакли, которые шли на момент моей юности в оперном театре, я знала наизусть. С папой мы каждый день ходили в оперу. «Травиата» тогда шла на русском языке, «Риголетто» и «Дон Карлос». Еще мне очень нравились «Сказки Гофмана», на них мы вообще ходили каждый раз, когда стояли в афише. Затем включала пластинки, когда прибиралась или уроки делала. Папа тоже слушал классику.

– Когда вы первый раз оказались на концерте, которым дирижировал ваш дед?

– Я же еще ходила иногда на репетиции. Мне тоже это было очень интересно. Как из ничего получается музыка. Иногда я даже глаза закрывала. Началась какая-то тема, я старалась угадать инструмент и потом проверяла, так ли это. Лет шесть мне, наверно, было. Я еще в музыкальную школу не ходила. Мне нравилось в целом оркестровом звучании вычленять отдельные партии. Я помню, когда впервые пришла на концерт, которым он дирижировал, одна

девочка сказала: «Как же тебе повезло, что у тебя такой дедушка». Я его очень любила. Я знала, что он очень известный. Все мои визиты к врачам, когда я называла свою фамилию, они спрашивали: «Не ваш ли это родственник?» Куда бы я ни пришла, все начинали спрашивать и передавать привет. Я отвечала: «Хорошо, я передам». Потом я звонила, дедушке передавала привет от какой-то тетеньки, но я забывала, конечно, пока шла домой, кто она. И он очень долго пытался понять, кто это. Переживал: «Что же ты не запомнила! Человек передавал привет, а ты...» И папа сказал: «Ты уж тогда записывай, а то дедушка волнуется». Кто-то ему пожелал добра, а он в ответ позвонить не может.

– А музыкальную-то школу вы какую окончили?

– Железнодорожную. А поступила в первую по классу скрипки, потому что у меня все было нормально со слухом. Но я ее ненавидела, потому что до этого я с удовольствием занималась фигурным катанием. Когда меня отдали на скрипку, меня забрали с фигурного катания и не сказали об этом. И когда я спросила, когда же мы снова пойдем на каток, мне ответили: «Ты же теперь на скрипочке играешь». Но музыку я любила всегда и пела чисто. Однако звуки, которые я издавала на скрипке – они бывают разных размером $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{8}$ и так далее – были настолько боготмерзкие, что у меня никакой связи не было с музыкой. Все-таки когда ты на фортепиано нажимаешь клавиши, звук более-менее терпимый. В музыкальной школе мне не нравилось почти все, кроме ритмики, которая велась в подготовительном классе. Меня очень угнетало то, что все, услышав мою фамилию, думали, что я сразу же должна заиграть так, как Ойстрах. Мне нравился класс ансамбля. Когда ты играешь с кем-то вместе, уже не так страшно. Это как в хоре: голос так себе, но вместе звучит лучше. И когда мы с ансамблем ездили по окрестным маленьким городам, нас встречали как настоящих артистов, и у нас, действительно, получалось. И руководитель был единственный человек, который меня похвалил в этой школе. Он сказал: «Ты очень красиво пишешь ноты, поэтому я тебе доверяю переписывать партии для всего ансамбля». Тогда не было ксерокса. И у меня это до сих пор сохранилось в памяти, потому что меня до этого никто не хвалил, а тут отметили и доверили писать для всех.

Профессор М.И.Паверман.

Я пришла домой, похвасталась. А мама сказала, что, когда деда Мара учился, он, чтобы заработать денег, тоже трудился переписчиком нот, и ты пошла в него. Потом меня перевели в железнодорожную школу. И там оказалась очень хорошая семейная пара Борис Штивельберг и Елена Эпштейн. Они посмотрели и сказали: «Но ты такая вся корявая». И стали мне давать очень красивые музыкальные произведения. Но прежде чем предложить мне ту или иную пьесу, Борис Иосифович сам их проигрывал. И я слышала, как это здорово может быть. На моей скрипке играл, причем она уже тогда была побольше. Мне стало нравиться, потому что я поняла, что раз на моем инструменте так можно сыграть, значит, и я тоже так могу. Мой успех был ему так же радостен, как мне. Благодаря этому я окончила музыкалку, и сольфеджио у меня пошло. В общем, там так все сложилось, или я уже созрела. Все равно, я считаю, что это заслуга Бориса Иосифовича. Благодаря этому я не чувствовала комплекса, который был бы, если бы я бросила. Сейчас пою в академическом хоре студентов и выпускников УрФУ.

Свердловский государственный симфонический оркестр. 1960-е гг.

З.В.Щелокова, Д.Ц.Дашиев, М.И.Паверман. 1961–1969 гг.

Заведующий кафедрой оркестрового дирижирования УГК М.И.Паверман (крайний справа) и преподаватель УГК И.Г.Стояновская (крайняя слева) со студентами Монгольской республики. 1980-е гг.

Слева направо В.Л.Карташов, М.И.Паверман, Е.В.Колобов, Ю.Н.Краевский.

– Приходилось ли вам беседовать с дедушкой о его профессии?

– Иногда, когда у меня было плохо со скрипочкой, он со мной занимался как со взрослым человеком. Результат был, но желания не было. А по поводу рассуждений – я единственное помню, но я в этом с ним согласна, хотя очень мало кто из современных музыкантов это приемлет, он говорил: «Музыка не должна вызывать никаких образов. Должно доставлять удовольствие само сочетание звуков». Я точно так же чувствую. У меня нет никакого любимого стиля. Просто классику уважаю потому, что она временем отфильтровалась, и лучшее осталось. А вообще мне совершенно не важно, джазовая это мелодия или рок, или это эстрада, или попса. Если там есть красивая мелодия, то она мне нравится. И вот это сочетание звуков – сама гармония. Это для него было самое главное. То есть человек не должен рисовать какие-то образы, когда играет та или иная мелодия. Какие-то эмоции она вызывает. Но невозможно создать музыкой какой-то образ, чтобы он у всех совпал. Ощущения у всех будут свои. Здесь я с ним согласна. Когда я пою в хоре, мне иногда трудно представить образ, который хочет от нас руководитель, он не всегда совпадает с моим. При том, что нравится это произведение и я стараюсь. Я понимаю музыку как совокупность звуков, которая в высшей степени гармонична.

– Отношения вашей бабушки и вашего деда...

– Хорошие. Баба Ира родилась в деревне Кыштым. Очень хорошая хозяйка. Надежный дедушкин тыл: всегда отглажены все манишки. Если домой приходили какие-то студенты, она всех всегда кормила. У нее была очень сильная материнская составляющая. Дедушка взял бабушку в жены при наличии двух детей. Единственный общий

сын – это был мой папа. Когда бабушка заболела, дедушке уже было тяжело ухаживать за ней. Мы иногда приходили помогать, что-то сварить, чтобы она одна не сидела, когда дедушка был на занятиях. Мне лет девять тогда было.

Она очень волновалась. Он знал, что я на свете больше всего люблю мороженое. А у них через дорогу на Белореченской был молочный магазин. Каждый раз, когда я к нему приходила, – может, это было раз в две недели, у него в морозилке стоял стаканчик пломбира специально для меня. И один раз я пришла, а мороженого нет. И дедушка сказал: «Ты уж меня извини, пожалуйста, я сегодня не успел сходить». А я говорю: «Ничего, я сама сбегаю через дорогу». Вы понимаете, он перед ребенком извиняется за то, что сам съел мороженку, на которую я рассчитывала. Мне бы и в голову такое не пришло. И по поводу бабушки. Она переживала о том, что забывала, какой год. Но помнила самое важное для себя. Спрашивала: «Где мой Валерик?» Отвечаем: «Да он вырос, большой». Она: «Да, у меня уже внуки, как хорошо». Я ела мороженки всегда большими кусками. Она всегда говорила: «Ирочка, ешь маленькими кусочками». Меня, уже девятилетнюю, пыталась укладывать днем спать. Это была материнская забота. Также она заботилась о дедушке. Дедушка тоже, насколько я знаю, всегда ее: «Ирочка, Ирочка». Он всегда ее опекал, никогда она не вызывала у него раздражения. Даже когда болела. Дедушка вообще был очень добрый, очень мягкий, наивный. Ему многие хотели помочь. Когда папе в университете выдали участок, мама сказала: «Марк Израилевич,

мы поехали морковку сажать». А он спрашивает: «А как морковку сажают, хвостиками?» Мы засмеялись. А он как-то даже обиделся. И говорит: «А я даже не знаю, как сажают морковку». В таких бытовых вещах он был несведущ. Папа все дедушкины рассказы записывал на магнитофон. И потом они дословно вошли в книгу. Дедушка вырос в Одессе. Он там окончил консерваторию. Тогда у них была консерватория что-то вроде музучилища. Потом он уже поехал в Москву учиться. Его папа был купец, а мама домохозяйка. Когда бабушка умерла, дедушка в 79 лет поехал в Москву и снова женился. С этой женщиной моложе его они давно были знакомы.

В Екатеринбурге хранят память о выдающемся дирижере. Здесь не раз проходили концерты и фестивали, посвященные его памяти. В детской филармонии в зале его имени торжественно вручали павермановскую стипендию.

В 2024 году в рамках фестиваля «Приношение Мастерам», проводимого при поддержке Президентского фонда культурных инициатив, запланирован блок, посвященный памяти уральского культурного феномена – Марка Павермана.

Фото предоставлены Свердловской областной филармонией и Уральской государственной консерваторией.

После концерта струнного квартета им. Н.Я.Мясковского. Среди присутствующих первый слева – М.И.Паверман, третий слева – Л.И.Мирчин, четвертый справа – Г.И.Теря, второй справа – Л.С.Тышков. 1980-е гг.

ПРИЗВАНИЕ – ПЕВИЦА

С.Зализняк – Кармен (Кармен).

С.Зализняк – Флора (Травиата),
Соловьяненко – Альфред.

С.Зализняк – Марта-Екатерина (Петр I)

«Когда мне предложили снова поставить «Бориса Годунова» в Екатеринбургском государственном академическом театре оперы и балета, где я с 1985 по 1991 год был главным режиссером, я, приехав в столицу Среднего Урала, прежде всего, решил посмотреть на певцов, послушал спектакль «Дон Жуан», – вспоминает народный артист России, художественный руководитель оперной труппы Московского музыкального театра имени К.С.Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко Александр Титель. – После этого я понял, что у директора нет настоящего здравомыслящего помощника, которому можно было доверять, который, рекомендуя ту или иную певицу или певца, будет максимально объективен, не стараясь обязательно продвинуть своих учеников или своих коллег, с которыми в хо-

роших отношениях, не руководствуясь соображениями «свой-чужой», а именно пытаюсь услышать что-то действительно стоящее. И я подумал, что Светлана Васильевна Зализняк будет очень объективна. Мало того, я прекрасно знал, что, кроме объективности, она обладает таким чувством такта, умом и обаянием, что сумеет все объяснить, сгладить какую-то обиду, какой-то конфликт. По-моему, руководству театра просто необходимы ее рекомендации, ее суждения по распределению партий, учитывая специфику голосов, ведь она знает наверняка, кому что петь».

«Ее отличает красота. Во-первых, это красивый голос, который дается Богом, и он либо есть, либо нет. У Светы удивительный голос, просто потрясающий. У нее в голосе есть все: великолепный низ, очень хороший верх. Во-

вторых, она человек с красивой душой, причем она никогда не поет просто ноты, она обязательно целиком погружается в эту музыку и создает точный, выразительный образ. Она очень способная актриса, с ней было интересно работать и мне, и режиссерам», – а это уже мнение заслуженной артистки России, профессора Московской государственной консерватории имени Чайковского Евгении Арефьевой, в прошлом – коллеги Зализняк по свердловской опере.

«Светлана Васильевна. Певица, актриса, педагог, мать, бабушка и просто красивая женщина. Что связывает меня, дочь народа Саха, с этим именем? Она для меня не только мастер, она заменила мне родителей, которые остались на родине. Когда я училась у нее в Уральской государственной консерватории, двери дома ее всегда были открыты. Светлана

Васильевна очень хорошая, радушная хозяйка, каждый день я просыпалась от вкусного запаха блинов, творожников и разных вкусностей. Благодарна своей судьбе за то, что она преподнесла мне такой подарок», – считает заслуженная артистка Российской Федерации, народная артистка республики Саха (Якутия), лауреат Всероссийских и Международных конкурсов Айтилина Афанасьева.

Я не раз беседовал со Светланой Васильевной. И как-то мне пришли на ум слова Иосифа Кобзона, с которым Зализняк, кстати, довелось встретиться на одном из песенных конкурсов: «Вспоминаю свое страшно бедное, но все равно счастливое детство. Счастливое. Несмотря на то, что по нему прокатилась Великая Отечественная. Война стала главным воспитателем моего поколения». Это и о ней, Светлане Зализняк.

С.Зализняк – Эболи (Дон Карлос), Г.Шульгина – Тибо.

– Я родилась на Дону, – вспоминает Светлана Васильевна. – Потом жила на Волге, а теперь на Урале. Вот у меня такие три опорные точки. Я из семьи сельских интеллигентов. Не высшее образование у родителей, но, тем не менее, они были достаточно образованны. Мама была учительницей младших классов. Папа работал в Волгоградской, тогда Сталинградской, области директором мясовоховоза «Победа Октября». И я там родилась в Калачевском районе. Мы эвакуировались летом 1942 года, перед началом Сталинградской битвы. Папа в Оренбуржье, в Калмыцкие степи угнал все хозяйство: и скот, и механику. Моя сестра родилась уже во время войны 11 августа 1941-го года. Поехали на четырехколесной телеге, две лошади были запряжены, со всем скарбом, я точно помню, потому что сидела наверху. Мужчина, который нас сопровождал, по профессии был печник. Мы ехали по направлению к Калачу. Переправлялись через Чир, Дон и Волгу. И нас эвакуировали в совхоз «Юнгштурм» напротив Сталинграда. Все эти всполохи, зарницы, бомбежки мы очень хорошо видели. Мама в эвакуации работала в госпитале и преподавала. Когда немцы капитулировали, мы приехали в совхоз «Красная звезда». Я там жила до 6-го класса. Все было разбито. В деревне осталось одно целое двухэтажное здание. На первом этаже – школа, а на втором жили люди в отгороженных клетушечках. А поскольку у меня мама была в одном лице и директор школы, и преподаватель, и библиотекарь, я очень рано научилась читать и читала много. У нас была куча всевозможных книг. Я Бернарда Шоу прочла лет, наверное, в 8. Меня «Пигмалион» поразил с самого начала. Поэтому, когда меня в школу отправили, мне было неинтересно в первом классе. Меня надо было класс в третий сажать, я все это прочла. Я вспоминаю: не было ничего. Писали на обрывках газет, на каких-то клочках бумаги. Вместо чернилниц-непроливаек какие-то пузырьки. И я не любила длинные волосы. У меня мама говорила: «Вот косички, наконец, пойдет в школу». Ну, вырастили мне косички. Так я во время урока волосы усиленно макала в эту чернилницу. Пришла: у меня обе косы до половины все в чернилах. Тогда меня подстригли почти как мальчика, только чубчик. Причесываться до смерти не любила. Росла я такой пацанкой лет до 12. Потом повзрослела. Нас, в итоге, было 5 человек. Вначале мы вдвоем с сестричкой были. Потом у нас родился братик. Потом еще родилась сестричка после войны. Ну и пошло-поехало. Брат у меня был тяжелый. Он в два года пуд весил. Высокий. Он пошел в папаню. И вот его таскать на себе. Я – 39-го, он – 46-го. Представьте, сколько мне было лет. В 48-м году был голод. Папа пришел и сказал: «Буханка хлеба последняя, больше нет». По полям ходили, собирали колоски. Потом шелушили. Потом на крупорушке. Бабушка жила с нами, и она этим делом занималась. Я начала свою трудовую деятельность с 9 лет. Летом и всю осень ты ходил и это все собирал. Причем мы не только себе собирали, мы сдавали их. Работали на токах в то время, когда была уборка. Тогда же не было транспортеров, как сейчас. Тогда были высоченные молотилки. Нам 8–10 лет. Подставляли вместо ступенек подставочки. И ведра были не магазинные, оцинкованные, а цилиндрические, кованые в мастерской. Это кузнецы делали у нас. Килограмм каждое ведро. Само ведро толстое железо, да плюс еще полно зерна. А зерно тяжеленное. И вот ты поднимаешься на ступеньку, потом все поперек себя туда забрасываешь. И ты должен за смену тысячу ведер. К концу дня от тебя уже ничего не остается. В обед кормили нас хорошо. Все равно в совхозе молоко свое было, мясо, хлеб, картофель. В сарае были нары с полатями, застеленные соломой. Туда падали без сознания. Не приведи господи, если ты хоть горсть зерна унес. Все выворачивалось. НКВД устраивал жуткие проверки. Помню, у нас один такой случай был. Одна многодетная семья, фамилия у них Макушкины была. Мать звали Татьяна. Они жили по ту сторону оврага, где стояли столетние вербы. Такая красота, левада была. Я к ним через тропку переходила. Там косогор был солнечный, где мы в пасху яйца всегда катали. После войны

всяко жили, кто-то в хате из соломы и глины, а они ютились в землянке. У нее муж был в плену. Муж возвращается из плена, она знает, что он едет. Она где-то там на складе взяла торбочку зерна. Украла. И ее поймали. Ее посадили надолго – на 12 лет. И он пришел день в день. Они встретились и разлучились. И он один тянул всю свою семью. Сколько после войны возвращалось людей! Поначалу все было так красиво. Арки все в цветах, гимнастерки в орденах. Потом уже начинается быт. Вот в такой среде я и жила. Рядом в 5-ти километрах был казачий хутор Солоновский. Станция Нижнечирская – 25 километров, столько же до Суровикино. И было не просто с транспортом. Машины тогда полторки

переболела и оспой, и корью. Возможно, мутация была. Я оглохла, вообще ничего не слышала. Но наконец-то слух восстановился. Причем, когда говорили очень тихо, я все слышала. Когда кричали, еще больше глохла. Возродился у меня и голос, но он стал низкий. Сколько я себя помню с детских лет, я все время пела. И свои выступления после 10 лет. Инструмента не было, я под баян пела, под гармошку. Потом с войны принесли трофейные аккордеоны. Кто умел на них играть, значит, с ними пела. А то и без сопровождения. В клубе проходили концерты. Мальчики делали модные тогда пирамиды. Потом я выходила, читала стихи. Не только Пушкина и Лермонтова, но и Твардовского, Симонова. Через

С.Зализняк – Комелькова (Зори здесь тихие).

были. Либо верхом на лошади. Там вообще все изрезано оврагами. Высокие довольно крутые склоны. Там вырезаны были огромные окопы, где стояли пушки во время войны. Битва, конечно, жаркая была. Как-то мы поехали в начале апреля – конце марта, когда снег стаял. И вот все поля перепажаны. А на одном белым-бело. Я спрашиваю у папы: «Почему так?» А он говорит: «Доня, да это же кости человеческие». Сколько там народу погибло, это страшное дело просто. Вот такие воспоминания из детства. Может быть, они отрывистые, клочковатые.

– Когда начали петь, ваша самая первая песня...

– Моя мама обладала великолепным, уникальным голосом – сопрано, очень хорошо пела. Ее хотели в консерваторию взять, но так случилось, что ее, совсем юную девочку, вскоре выдали замуж. Наверное, по наследству мне достался голос. Поначалу он был очень высокий. Но потом я лет в 10 очень тяжело

черную кругляшку репродуктора слушала музыку и запоминала ее с ходу. (Напевает):

«Грустные ивы склонились к пруду,
Месяц плывет над водой.
Там, у границы, стоял на посту
Ночью боец молодой».

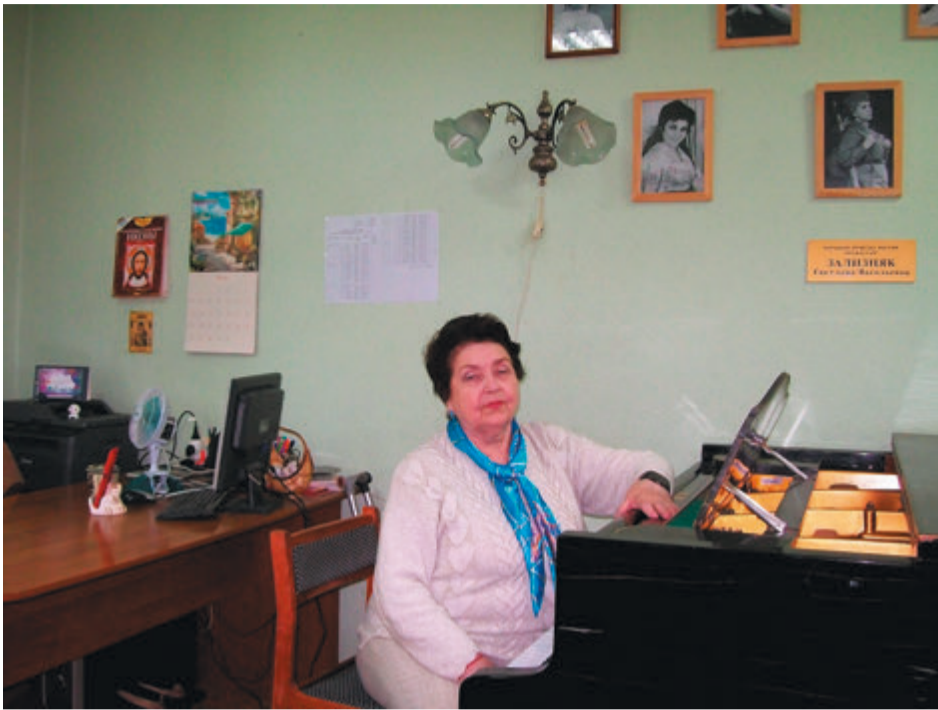
– Это песня «Пограничник».

– Она и была первой. Затем «Три танкиста». Попозже «На побывку едет». Подошло время, и я уехала. У нас школа была только шестилетка. Даже седьмого класса не было. Я уехала к бабушке в Енакиеве, где сейчас ДНР находится. Там я училась в школе-восьмилетке. Отучилась, потом выстроилась новая школа, пятнадцатая. Я пошла туда. И 9–10 класс я там заканчивала. Всегда пела. Я в городе была певица № 1. Случайно зашла во Дворец пионеров и увидела там инструмент. Любопытно было. Я так посмотрела, потрогала. Пришел мужчина – Виктор Сергеевич его зва-

С.Зализняк – Певица (Пушкин).

ли. Он меня спрашивает: «Ты что?» – Я пою! – Да, ну давай спой! Я даже Кармен пела, Норму. Услышала и все – заболела музыкой. Настолько, что у меня уже другого не существовало. И вот он начал со мной потихонечку заниматься. Как только концерт, я была во всех местах. Конкурсы, которые там проходили, внутригородские, конечно, они все были мои. И по чтению. Я любила очень драматический кружок. Специально читала там. И мне это помогло. Когда мы жили в «Красной звезде», то у нас пастуха не было, а все же держали скотину. То тебе телят пасти, то коров твоя очередь пришла, то коз. Ну, с коровами проще. Ты их куда-то загнал, они по балке разбрелись. Потом их выгнал в обед, и пусть они лежат себе. С козами поспонней было: они везде лезут, ты за ними гоняешься. Загонишь куда-нибудь подальше. Там степь да степь кругом, никто тебе не мешает. Вот уж я там заливалась соловьем. Приходила домой, и мама у меня спрашивала: «Ты где их пасла, на бугре?» – Нет. – За этой балкой? – Нет. – А я думала, ты тут пела» Так голос разносился просторно, никто тебе не мешал. И у меня родилась природная постановка голоса. И это мне в какой-то степени помогло, в какой-то помешало. До тех пор, пока я не разобралась, что же это такое – природная постановка голоса. То есть сама себя стала изучать. Сама себя стала учить. Я окончила школу, и вопрос стоял: либо я иду в педагогический, или в университет, там, где есть археология. Мне хотелось искать, раскапывать. И до сих пор я увлекаюсь историей. И я сейчас сижу – копаю голоса. Решила учиться петь. Написала в Москву, написала еще куда-то – в Саратов. И сказала: откуда придет первый ответ. Пришло из Саратова. Я уехала туда в музыкальное училище в семнадцать лет. Меня взяли, потому что уже шли экзамены: идите к нам! У меня очень хороший педагог была. Окончила Саратовское музыкальное училище. Потом вышла замуж. Родился сын. И я год, пока его подняла, кормила. Потом поехала и поступила в консерваторию. Меня там ждали. Меня сразу же взяли, без вопросов. Первый курс закончила на отлично, мне назначили Собиновскую стипендию. Мой муж после окончания харьковского авиационного института получил направление в Свердловск на ЗИК. И я поехала с ним, естественно. И перевелась в Уральскую государственную консерваторию. Я попала в класс Нины Ивановны Уткиной. По специальности училась на отлично, по остальным предметам – не скажу. У нас очень строго были поставлены общественные дисциплины. История партии, сами понимаете, это святое было. У нас такой педагог был – ой-ей-ей. Я писала такие рефераты, все глаза открыли. Смотрю: все филианят. Это заразительно очень. Я точно так же. Не очень я привязана была к философским наукам. Позже поняла, что это очень много значит. Чтобы сидеть и обучать и чего-то им рассказывать и о чем-то говорить с учениками, надо много знать. Необходимо и самообразование, конечно.

Профессор Светлана Зализняк на своем рабочем месте – в вокальном классе УГК.

С.Зализняк – Марта-Екатерина (Петр I), В.Огновенко – Петр I.

– А потом был наш оперный театр?
– Знаете, с театром не такая простая история происходила. Прослушивалась несколько раз туда – меня не брали. А я и не особенно страдала. У меня было очень много концертов. В консерватории, пожалуйста, хоть каждый день пойте программы в большом зале. Потом радио, телевидение. Везде была. И когда я съездила на конкурсе имени Мусоргского, получила диплом, меня оставили на кафедре ассистентом профессора Ольги Ивановны Егоровой. Дали мне дирижерские весты для практики в классе вокала. Это было в августе. А в октябре театр вновь объявляет прослушивание. Я спокойная, востребованная, потому что у меня есть работа. Я с такой свободой пришла, спела романс Полины из «Пиковой дамы» и что-то еще. И меня на этот раз взяли.

– Сколько вы за вашу карьеру партий спели?

– Более 60-ти.

– Самая любимая?

– Моя звездная партия – Марта-Екатерина в «Петре I». А самая любимая – это Любаша в «Царской невесте». Я очень любила характерные образы. В конце моей карьеры – это Солоха, Графиня. В моей филармонической деятельности, по подсчетам музыковеда Зеры Мышкиной, подготовлено около 300 программ. Я пела и с оркестром, и а капелла. И сольные, и совместные концерты. И дуэты с Верой Михайловной Баевой. Очень много работы. Но для меня театр приоритетней всего был. И если мне предлагался в день спектакля какой-нибудь концерт – что-то подхалтурить, я себе это не позволяла никогда. Но из всякого правила бывают исклю-

чения. В «Демоне» я Ангел в начале и в конце, в прологе, – и весь спектакль ты сидишь. В это время Бражник ставит кантату Чайковского «Москва». Он просит: «Спойте, пожалуйста, там две песни». И еще дуэт с баритоном. Финал». Я договариваюсь с режиссером. Не буду надевать парик. У меня волосы длинные были – я их завила. Полосы не рисовала, просто грим сделала. Спела пролог, быстро раз-два концертное платье, в машину. В филармонии выскочила на сцену, спела тут же, опять оделась в свой хитон и поехала дальше на спектакль. В театре могли быть такие вещи, когда в одном спектакле исполняла две партии сразу. В «Силе судьбы» есть пролог, маленькая партия хора, а потом сразу же, через 7 минут, нужно европейский грим делать, а потом цыганку. Я сказала: «Мы делаем Цыганку, я только меняю парики, костюмы. Режиссер-постановщик Семен Штейн сказал: «В моей жизни – это впервые, чтобы человек в одном спектакле спел две партии». А для меня это не представляло никакой сложности. Это такие стрессовые, формажорные ситуации, когда такая аккумуляция воли идет, и тут меня не вышибешь из седла. У меня это качество есть и, слава Богу, до сих пор сохранилось. В ответственные моменты надо собраться, не рассекаться и не дрожать.

Мы еще долго говорили со Светланой Васильевной. И о том, как она в течение 10 лет ездила в республику Саха, где открылся филиал консерватории, с мастер-классами, консультациями, концертами, а также на приемные и Государственные экзамены, за что ее прозвали «вокальная мама Якутии». И о встрече с выдающимся

С.Зализняк – Кармен (Кармен), А.Кириченко – Эскамильо.

Ф.Дзеффирелли, С.Зализняк и М.Домашенко (ученица С.Зализняк). Арена ди Верона.

режиссером Франко Дзеффирелли. Это произошло в Италии на постановке «Кармен» в Арена ди Верона, где в главной роли солировала ее ученица, лауреат Международных конкурсов Марина Домашенко. И о ее авторской программе по воспитанию молодого певца-вокалиста, благодаря которой

более сорока ее учеников стали лауреатами и дипломантами различных конкурсов. Звезда народной артистки России, профессора Светланы Зализняк продолжает светить.

Фото предоставлены пресс-службой Свердловского театра оперы и балета.

ПОЛВЕКА С КОНТРАБАСОМ

жилых струнах, – вспоминает Евгений Григорьевич. Постепенно вошел в репертуар. Потом, года через два, мне попалась на глаза школа для контрабаса на венгерском языке. Там были фотографии: постановка рук, пальцы, позиции. Разобрался и с этим. Когда я появился в музыкальном училище Чайковского в Свердловске у преподавателя по классу контрабаса Алексея Кряжева, он попросил: «Покажи, что ты умеешь». Я говорю: «Смычком не могу, потому что учиться было не у кого. Только пиццикато». Я тогда по наивности считал, что контрабас – чисто джазовый инструмент. Позже узнал, что классическая струнная группа обязательно включает в себя скрипку, альт, виолончель и контрабас. Алексей Иванович серьезно посмотрел на меня и вынес вердикт: «Хорошо! С левой рукой ничего не надо делать. Да и с правой, пожалуй, тоже». И меня зачислили на первый курс. У меня было желание огромное совершенствоваться. И я мог заниматься по 10 часов в день. Поэтому ко мне никаких претензий! И когда вот эти цели у педагога и ученика совпадают, нам легко. Кряжев тогда работал в симфоническом оркестре концертмейстером группы контрабасов. Когда он целиком перешел на преподавательскую работу, то оставил эту должность Сергею Столярову. Вспоминаю, играли они знаменитую первую симфонию Малера, там соло на контрабасе. Оно в очень высокой, неудобной для него, tessiture, в регистре, который редко используется. Но Малер специально пошел на это, чтобы звучание получалось нарочитым и надрывным. Это один из элементов для создания гротеска. Самое неожиданное, что эта не-

Конец 50-х годов прошлого века. Закрытый город Озёрск с населением в 10 тысяч, тогда Челябинск-40. Жилой дом с садом. Там яблочки многие воровали. Когда Жене исполнилось 7 лет, его папа и мама, хоть и рабочие, со скромным образованием – буквально по 3–4 класса, взяли его за ручку и отвели в музыкальную школу за плодами просвещения, благо, она находилась в этом же дворе. Девочки там, в основном, шли на фортепиано, мальчики – на баян. С баяна, в простонародье «сапога», для него все и началось. Сначала очень хотелось, потом начались определенные трудности по той причине, что уже надоело, но надо. Но где-то уже на последнем году обучения в нем проснулся артист. Он окончил музыкалку с пятеркой по специальности. И тут появился педагог, преподающий кларнет. А у него уже к тому времени возникли какие-то предпочтения в музыке: контрабас и кларнет. Причем, это было связано с молдавской, венгерской, цыганской тематикой. Откуда это, он и сам не может объяснить до сих пор. Поэтому поступил снова уже по классу кларнета. В это же время один из преподавателей школы вел эстрадный ансамбль во Дворце культуры и пригласил его поиграть на контрабасе. По составу это был тихоновский квартет, названный так по имени его руководителя Бориса Тихонова: баян, кларнет, гитара, контрабас. В 50–60-е годы прошлого века это был очень популярный коллектив. Новый инструмент ему пришлось осваивать самостоятельно.

– Сам себя учил, что называется, собачьей хваткой, гриф охватываешь и на слух ноты воспроизводишь на

енном оркестре кларнетистом. А затем меня перевели в ансамбль ракетных войск в Кирове. Приезжаю туда, а контрабасиста уже успели взять. И мне говорят: «Будешь играть на шестиструнной гитаре». А я: «Не умею». А в армии принцип: «Не умеешь – научим, не хочешь – заставим!» Дали гитару. Там четыре нижние струны по строю соответствуют контрабасовым. Стал заниматься. И вот уже я – гитарист! А дослуживал в оркестре под Саратовом опять как кларнетист. Естественно, что моя военно-учетная специальность «Музыкант военного оркестра». Вернулся в училище и с первого курса стал работать в эстрадно-симфоническом оркестре ДКЖ. Им руководил директор училища Владимир Турченко. И одновременно встал в симфонический оркестр филармонии. Из первокурсников я был единственный, все остальные ребята там начинали играть только с третьего курса. Владимир Иванович – это тот человек, который меня, наверное, направил в нужное русло. И вовемя поддержал. В оркестре ДКЖ пригодился весь мой предыдущий опыт: не терял строчку, знал счет, гармонию. Но порой не хватало техники и знаний. Вспоминаю такой случай. Дворец культуры железнодорожников. Очень тяжелый зал в акустическом плане. Играем без подзвучки. И вот я понимаю, что достиг звукового баланса: играю пальцами, и мое пиццикато пошло в зал. Владимир Иванович глянул на меня и одобрительно кивнул. Я достиг успеха благодаря его терпению, его руководству. После концерта Турченко сказал: «Так держать!» Годы, проведенные в училище, неформальное общение во время гастролей в поездах, которые нам предоставляла Свердловская железная дорога. К людям он относился не снисходительно, а с пониманием. Мог даже жестко осадить, посмеяться ехидно. Но это все гуманно, без обид! У Владимира Ивановича играл шесть лет. У контрабасиста там приличная нагрузка; танцевальные вечера, выездные концерты, работа в малом ансамбле, в биг-бенде. Это была великолепная школа! Недавно мои коллеги по оркестру ДКЖ прислали фото, где мы все вместе: Геннадий Баталов (саксофон-альт), Алексей Колохин (тромбон), Сергей Дианов (саксофон-тенор). Все молодые и безумно талантливые. Довелось учиться плюс еще в одной группе в училище, в консерватории. Ну, а какие-то теплые отношения сохраняются всю жизнь. Безусловно, и встречаемся, и контактируем. С кем-то чаще, с кем-то реже. Многие ребята из военных оркестров в свободное от службы время с удовольствием приходили поиграть к Владимиру Ивановичу. Скажем, трубочу Вячеслав Мамедов. Для меня музыкальное училище – это, прежде всего, Владимир Иванович. Не потому, что он директор, а потому что человекиче, личность. И вот это новое здание рядом с залом Маклецкого, которое появилось благодаря ему. Это безумно огромная работа, которая велась десятилетиями. У Турченко в кабинете видел много интересных проектов. Реализовывался именно самоценный. Вклад в культуру Владимира Ивановича дорогого стоит.

затейливая главная тема похоронного марша – детская песенка, которая большинству известна в мажорной транскрипции под названием «Ах, мой милый Августин!» Здесь она перенесена в минор. Алексей Иванович как истинный профессионал тщательно учил это соло в классе. Он держал группу. Она почти вся состояла из его учеников, кроме Сагида Накеевича Гарипова. Когда-то они вместе работали в оркестре радиокомитета. Приятно, что я окупился в эту атмосферу. С первого курса меня забрали в армию. Служил сперва в во-

– Эстрадный и классический контрабас: что для вас интереснее?

– Академический. Когда-то я считал, что джаз это что-то новое, заводное и для молодого человека ближе. С годами понял, что джаз своими истоками зиждется в классической музыке. И многие сверхновые течения – это просто хорошо забытое старое, изобретенное 300–500 лет назад. Да, появились иные приемы, инструменты. Однако фундамент, основа осталась той же: тоника, субдоминанта, доминанта. И от этого никуда ни деться. Эта суть заложена в академической музыке, которая, кстати, сама в прошлом столетии сделала гигантский скачок вперед. И сегодня она не стоит на месте. С тех пор, как я окунулся в классику, безусловно, жизнь пошла совершенно по-другому. Хотя, если так разобраться, я и джаз, и эстраду не отвергаю, это все люблю. И понимаю, как это надо исполнять. Довелось участвовать в одном концерте вместе с Мишелем Леграном, который проходил в киноконцертном театре «Космос». Для этого собрали большой симфонический оркестр. Естественно, Легран – гур. Мишель играет на рояле, вот он начинает пьесу и просит именно контрабас с барабаном помочь ему. Почему-то ни один ударник не осмелился. А я с ним спокойно заиграл. Он был приятно удивлен. Пусть имели место незначительные шероховатости, поскольку этот фрагмент мы не репетировали, но случилась ритмическая и гармоническая вязь. А недавно в клубе EverJazz состоялся концерт с блистательным гитаристом-самоучкой, композитором, лауреатом международного конкурса «Grand Musik Art» Вадимом Стройкиным. Аккомпанируя ему, практически с листа

пришлось читать гармонии, цифровки. Сейчас почему-то не все контрабасисты этим владеют. А ведь буквенное обозначение пришло в джаз тоже из академической музыки. Я уж не говорю про игру на слух. Нынче это практически никто не делает. А раньше мы просто договаривались, в какой тональности играем и – поехали! Вот школа была!

– А на бас-гитаре не пробовали перейти?

– Играл на ней и много лет. И инструмент свой был.

– Но остались верны контрабасу. Почему?

– Бас-гитара – это все-таки гитара. Почему мне было ее легко осваивать? Потому что знаю шестиструнную гитару! Бас-гитара – это же шестиструнка без двух верхних струн. На ней существуют специфические приемы игры: слэп, тэппинг, слайд, пулл-офф,

хаммер-он. На бас-гитаре – лады. А на контрабасе их нет. Там лад – это твой палец. Следовательно, это сложнее, но интереснее. Здесь необходимо четко знать позиции и иметь хорошее ухо, дабы не сфальшивить.

И вот уже сыновья Пузикова окончили музыкальную школу, а сегодня внуки постигают в ней уроки мастерства. А молодая музыкантская поросль спешит к нему за советом. И он щедро делится профессиональным и жизненным опытом, вспоминая при этом с благодарностью своих наставников из оркестра Турченко: саксофониста Леонида Медведева, пианиста Владимира Полуэктова, кларнетиста Павла Четчина. «С Евгением Григорьевичем мы познакомились очень давно, – говорит директор Екатеринбургского камерного оркестра «В-А-С-Н» Анна Баловина. – В коллективе появился некий папа музыкантов. Контрабас, на котором играет Пузиков – это отец всех инструментов в оркестре, его основа. Без него не существует наш коллектив как единица. С появлением этого человека оркестр зазвучал совсем по-другому. Я тогда была очень молода. А он – мудрый человек, который всегда может подбодрить. Сейчас он на пенсии. Но по-прежнему учит и словом, и делом. Когда приходит, вокруг все озаряется солнечным светом».

Полвека с контрабасом... Такой преданности можно только позавидовать!

Фото предоставлены
Домом музыки и из личного архива
Е.Г.Пузикова.

Алексей Молчанов.

Крафт трио Е.Пузиков – контрабас, Н.Усенко – мандолина, С.Астафьев – скрипка.

Международный фестиваль современной академической музыки в Нижнем Новгороде. 2015 г.